

Нётр Булатов

Дед Ермошка

180

— **В**от что, Ермошка, хочешь, чтобы у тебя были новые штаны и была бы рыбица на ушицу, поедем сегодня ночью рыбачить. Ты знаешь, завтра Господня Пасха. Вот люди-то нажрут мясного да наглохтятся винища, так на следующий день и захотят с похмелья ушицы. Уж я-то знаю. Мы с тобой этой ночью и наловим рыбицы. Ты гоже на лодке ездешь, только грести у меня будешь, — с такими словами обратился ко мне дед-сосед, прозванный в народе «Гроб-Ермошка».

— У меня, — продолжал старик, всякая снасть имеется, на всякую рыбу. Только вот какой уговор: никому, даже домашним, не говори, что мы с тобою сегодня поедем рыбачить. Вот как только стемнеет, приходи к нефтяным бакам. Ты знаешь мою лодку и там жди меня...

Очень странный был дед Ермолай. Жил он одиноко в своей избе. Давным-давно у него умерла жена, от которой остались двое детей. Фёдор и Настя уже обзавелись своими семьями и жили в деревне. Изредка дети навещали отца, но он их встречал неприветливо, и дети уходили от него всегда расстроенные. Дед Ермолай ни с кем из людей почти не дружил, ни к кому не ходил и отличался молчаливостью. А если с кем говорил, то говорил медлен-

но, тихим, степенным голосом. На моей памяти он дважды приводил себе старух на сожительство, они что-то долго не жили, умирали.

Старик ухитрялся в любое время года ловить рыбу. Когда к деду приходили покупатели и спрашивали: «Дедушка Ермолай, не будет ли с килограммчик рыбы?», старик недовольно бурчал: «Ты говори мне по-русски, никаких киллов я не знаю и знать не хочу. Самая правильная мера — это фунты, пуды».

Он брал свой древний заржавленный безмен, похожий на палку с набалдашником, на которой были какие-то бугорочки, ямочки, чёрточки. Только дед мог разбираться в этих премудростях.

— Вот смотри, я вам даю с походом: три фунта и ещё восемь золотников.

На поверку же никакого похода не было. Наоборот, каждый убеждался, что дед граммов 200–300 недодал.

— Уж очень ты, дедушка, дорого за рыбу берёшь, — жаловались покупатели.

— Что вы, господь с вами, божескую цену беру, а такой рыбицы нигде не сыщешь. И эти ваши деньги беру не для себя, а для Господа Бога. Ведь всё до копейки уношу в храм божий. И за себя, и за вас, грешных, молюсь.

Дед, действительно, посещал церковь, но чтобы он больше одной свечки ставил, никто не видел.

Старика многие пожилые односельчане побаивались, считая его за недоброго человека, который может навести на людей и животных порчу. Всех мальчишек он почему-то называл Ермошками. За что и получил прозвище. А женщины все у него были Васёнами, по имени первой его жены.

Идёт дед по улице и видит: человек укладывает или строгаёт тёс. Он остановится, посмотрит и скажет: «Хорош тесок, особенно вот эти две смолистые. Ты их, Василий, побереги».

– Зачем их беречь-то? – скажет Василий.

– Как зачем? – отвечает дед. – Все под богом ходим. Мы не знаем, что с нами случится через час. А может кто-нибудь у вас и умрёт, вот тесинка-то и пригодится на гробок. Износу ему не будет.

– Типун бы тебе на язык, – огрызнётся Василий.

Увидит дед толстое бревно, осматривает его со всех сторон и промолвит, обращаясь к хозяину:

– Кирилл, выдолби-ка из этого бревна домовину. Пригодится. Сто лет не сгниёт.

И пойдёт дальше, довольный тем, что испортил людям настроение...

И вот я на берегу стою у лодки. Вскоре увидел деда, несущего вёсла и топор.

– А где у тебя снасть? – спросил я.

– А снасти-то у меня на острове, в землянке. Туда сейчас и поплывём.

Я сел за вёсла. Длинная, неповоротливая, кособокая посудина, у которой нос и корма были на одном уровне, густо просмоленная с обеих сторон, напоминала гигантскую рыбину. Лодку так и звали «щука». Но щучьего в ней ничего не было и по её ходу надо было называть черепахой. Несмотря на все мои усилия, «щука» продвигалась весьма медленно. Мастер, сделавший лодку, соорудил её с «секретом», она

при движении всё время забирала влево, так что я скоро разгадал «секрет» и грёб левым веслом, а правым только еле касался воды.

Вот и остров. Дед сошёл с лодки и скрылся в кустах. Скоро он вернулся, неся в руках охан и багор. Я знал, что этой снастью рыбная ловля запрещена. Охан на длинном железном пруту идёт по дну и срезает всякую рыбу, и об этом я сказал деду.

– Довольно болтать-то. Запрещена! Откуда ты знаешь? Уж сколько лет этой снастью рыбу ловлю, и никто мне ничего не сделал. Чай, я не чужое ворую, рыба-то ничья, её никто не кормил, а значит, над ней нет и хозяина.

Ну, я сяду на корму, дай-ка снасть-то и топор. В случае, попадётся большая рыбица, так я её топором и оглушу. А багор положи вдоль лодки. Если льдинка или брёвнышко попадутся, так ты оттолкни их. Давай поднимемся до Никольского, а потом спустимся вниз.

Ночь была тихая, но очень тёмная, течение реки быстрое, шумливое.

Дед был в настроении.

– Давай, давай, милый, нажимай на вёсла-то. Ночь, ночь-то какая, такая ночь только раз в году бывает, – восхищался дед. – Ермоша, ты в каком классе учишься? – обратился ко мне старик.

Я ответил.

– Ты вот что мне скажи, почему накануне Пасхи всегда бывает тёмная ночь?

Я знал почему и сказал, что это зависит от положения Земли и Луны, что учёные намного лет вперёд рассчитали, когда будет полнолуние, когда темно. Известно даже на сотни лет вперёд время солнечных и лунных затмений.

– Брось-ка врать-то, – повысив голос, сказал Ермолай. – Кто же это может высчитать, когда Господние светила будут нас, грешных, освещать и греть. Всё это враки. Господь сам предначинил дни Пасхи.

Со стариком спорить было бесполезно.

– Ты ещё вот что мне скажи, учёный

человек, – не унимался дед, – почему освящённые крашеные яйца на Пасху не портятся. Вот приходи ко мне завтра, я достану при тебе из-за божнички прошлогоднее яйцо, расколю его, и оно не будет испорченным.

Нам ранее учитель химии объяснил «секрет» крашеного яйца, и я пояснил деду.

– Всё это вам в школе учителя наврали, а вы, дурачки, и верите, – со злостью произнёс Ермолай.

Я почувствовал, что старик переменял ко мне отношение, стал сердитый и что-то бурчал про себя.

Прибыли на место.

– Эй ты, Ермошка, поворачивай на середину реки. Что я буду тебе приказывать, то ты и делай.

Старик запустил охан, и он пошёл ко дну.

– Эх, какая глубина-то, наверное, аршин пятнадцать будет.

Через несколько минут в лодке трепетало несколько стерлядей и другой рыбы.

– Ну, слава богу, Ермоша, начало есть, – промолвил дед. – Сколько потвоему сейчас часов?

– Думаю, часов одиннадцать, – ответил я.

– Значит, скоро Христос воскреснет, – уточнил старик.

В лодке рыбы прибывало. Дед брал даже малюсенькую стерлядку-пиковку.

Вдалеке послышался рокот мотора.

– Дед, – сказал я, – нас догоняет катер. Вероятно, рыбохрана.

– Бросай грести. Покрой мешками рыбу. Бери скорее кормовое, на вот конец верёвки, просовывай в дыру весла, завязывай. Дай мне теперь весло сюда, – шептал дед.

Я только теперь догадался, для чего у деда в кормовом весле проделано отверстие. Привязав верёвку от охана, дед взял кормовое весло и стал для видимости управлять лодкой. «Хитрый старик, – подумал я, – никто не догадается, что за кормовым веслом волочится охан».

Догнав нас, с катера кто-то крикнул:

– Что за люди плывут?

Старик не растерялся и умирающим голосом произнёс:

– Меня вот, больного старика, внучек в больницу везёт.

Катер промчался.

– Кто это, Ермоша?

– Да это инженер из гидростроя, – ответил я.

– А чего их шайтан ночью носит? Чего они делают?

– Измеряют местность. Здесь где-то Волгу перегородят плотиной. Построят электростанцию.

– Безумцы! – воскликнул дед. – Да разве Волгу перегородишь? Как текла Волга-матушка с испокон веков, так и будет течь.

Поравнявшись со старым городом, мы услышали ружейные выстрелы. Осветилась яркими огнями церковная ограда: зажгли плошки со смолой. Это значило: наступило воскресение Христова.

– Ну, кто сказал, что Бога нет? Кто сказал, спрашиваю я. Скажи ты мне, Ермошка.

Я ничего не ответил. А старик вдруг запел: «Христос воскрес из мёртвых». Пел, а сам внимательно присматривал за посудиною.

– Что ты как гребёшь? Гроби сильнее, лодка-то боком пошла, ворочай, ворочай скорее! «Смертию смерть поправ...» Гроби, чёртушка, сильнее, охан заносится под днище.

Я выбивался из сил. А старик продолжал: «И сущим во гроби, жи-вот дари-ви...»

Что это было за пение? Жутко было слушать. Я никогда не слыхал подобного. Старик не обладал ни малейшим даром голоса и слуха. Мне показалось, что на корме сидит не один дед, а по крайней мере пять-шесть самых бездарнейших певцов, которые орала дикой блажью. Эхо далеко разносило по Волге это дикое «попурри». Чтобы заставить деда прекратить его завывание, я закричал:

– Дед Ермолай, зачем ты поёшь? Нас могут услышать и отнимут охан да рыбу.

– Чаво ты сказал? Кому это вдомёк, что мы рыбачим.

И дед снова запел.

– Перестань петь, страшно тебя слушать, – воскликнул я.

– Чаво ты лепечешь? Вот пропою молитву двенадцать раз, тогда и перестану.

Вдруг я почувствовал, что лодка не подвигается вперёд. У меня блеснула мысль: уж не охан ли зацепился за корягу. Старик внезапно прервал пение, закричал:

– Греби, греби сильнее, снасть за что-то зацепилась. Греби правым веслом. Давай налево! Поворачивай лодку против течения! – Я не успевал выполнять дедовы команды. – Талань, талань, подлец! Поворачивай к острову! Бросай вёсла, иди ко мне. Давай вместе тянуть верёвку и снасти.

Я ухватился за конец. Нос «щуки» высоко поднялся, корма стала захлёбываться. Лодка рыскала в разные стороны.

– Садись снова за вёсла, – крикнул дед, – греби вперёд, назад давай! Талань, талань ты, сукин сын! Нажимай, нажимай на вёсла сильнее!

И тут совершилось невероятное: неуклюжая «щука» помимо моих усилий закружилась вокруг своей оси. Мы, по-видимому, попали в водоворот. Вода редела, бурлила. Мы намертво сели на одном месте.

– Что делать-то будем? – заорал дед и изрыгнул целую серию пятиэтажных сквернословий, каких я никогда и не слышал.

А ограда церкви, напротив которой мы остановились, по-прежнему светилась огнями, и с колокольни плыл над рекой малиновый пасхальный звон.

– Руби верёвку, – крикнул я, – иначе мы не выберемся из этого водоворота.

– Утону, а снасть не брошу.

Дед выбился из сил, стал задыхаться, кашлять. Послышался тяпок топора. Я догадался: старик перерубил верёвку охана. И вдруг мимо моей головы что-то со свистом пролетело и булькнулось в воду. У меня мелькнула мысль: это

Ермошка со злостью кинул в меня топор.

– Вот подлец, через тебя «кормилицу-то» потерял. Ну, погоди, я ещё с тобой расправлюсь, – пригрозил дед.

– Не боюсь я твоих угроз, ничего ты мне не сделаешь, вот тебе это даром не пройдёт.

– Ну, поворачивай к домам.

Старик долго-долго молчал. И, видимо, желая загладить свою вину, говорил самым смиренным тоном:

– Знаешь что, Саня, я немного погорячился. Нервинный уж больно стал. Снасть жаль. Ведь ею я кормился. Ты только подумай, что я за жизнь перенёс: четырёх жён похоронил, да две убежали с моим добром.

– Зачем ты в меня топором кинул?

– И сам, Саня, не помню. Видно, бес попутал, – оправдывался старик.

– Ну, дед, хорошо ты ругаться умеешь, такого сквернословия я никогда не слышал.

– Я ругался? – воскликнул дед. – Ты с ума сошёл? Это тебе почудилось. В жизни не ругался. Зачем на старика наговариваешь. Грех падёт на тебя. Вот что, Сашенька, забудем всё, что у нас произошло, ты никому не говори об этом.

– Нет, обязательно расскажу. Чуть меня не зарубил, а я буду молчать.

Мы пристали к берегу.

– Вот тебе рыбка на ушицу. – И дед бросил мне на берег рыбы.

– Плевать я хотел на твою рыбу, – пинком ноги далеко отшвырнул её в воду.

Дома меня хватились. Я всё объяснил, что со мною случилось, а днём рассказал своим товарищам о ночных похождениях с дедом Ермошкой. И с тех пор к деду прибавилось ещё одно прозвище: «Браконьер».

